Article

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ольга Зинченко*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-32-40

Введение. *Целью настоящего исследования является анализ текущей ситуации в Международном Суде, ряда стоящих перед ним актуальных задач, а также путей их решения. Из 18 споров, находящихся на рассмотрении Международного Суда ООН, 14 передано на основании юрисдикционных клаузул международных договоров, в том числе в сфере защиты и поощрения прав человека. На примере ряда дел, в том числе с участием России, автор анализирует некоторые проблемы, возникающие вследствие данной тенденции.*

Материалы и методы. *Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, анализ и синтез.*

Результаты исследования. *Автором выделяется три ключевых проблемы, с которыми сталкивается Международный Суд ООН сегодня. Во-первых, в ряде дел автор отмечает искусственное ограничение предмета спора, порождающее вопросы применимого права и риски расширительного толкования конвенций. Во-вторых, обозначена проблема политизации деятельности Суда со стороны отдельных участников процесса, подчас вынуждающая его выбирать между справедливостью и политическим контекстом. В-третьих, отмечена неприспособленность Суда рассматривать многочисленные фактологически насыщенные дела, поступающие на основании юрисдикционных клаузул, прежде всего, международных договоров в сфере защиты и поощрения прав человека.*

Обсуждение и заключение. *В качестве возможных путей решения обозначенных проблем автором видится обеспечение взвешенного подхода Суда к вопросам установления юрисдикции при должном учете принципа согласия государств, а также корректировка применяемых им методов установления фактов. Автор прогнозирует ряд негативных политико-правовых последствий излишнего судейского активизма, включая риск расширительного толкования положений соответствующих конвенций и злоупотребления ими, а также снижения доверия государств к системе разрешения споров в рамках Международного Суда. Сохранение сбалансированного подхода Суда к вопросам установления согласия государств на его юрисдикцию будет иметь большое значение для сохранения авторитета главного судебного органа ООН.*

* **Зинченко Ольга Игоревна**, магистр юриспруденции, аспирантка кафедры международного права МГИМО МИД России,
e-mail: oizinchenko@mid.ru
ORCID ID: 0000-0003-0864-249X

Введение

В современной системе международных судебных инстанций видное место занимает Международный Суд ООН. В настоящий момент на его рассмотрение были переданы 18 межгосударственных споров, 10 из них – в последние 5 лет. Так, 4 июля 2023 г. Швеция, Украина и Великобритания подали совместное заявление в Суд против Ирана в связи с воздушным инцидентом 8 января 2020 г.[1], основываясь на юрисдикционной клаузуле Монреальской конвенции 1971 г. 8 июня 2023 г. Нидерланды и Канада, отказавшись продолжать консультации с Сирией по теме нарушений прав человека, направили заявление в Международный Суд на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.[2] 26 февраля 2022 г. Украиной было подано заявление против России, в этот раз – с опорой на Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. В современных геополитических реалиях можно прогнозировать регулярность поступления заявлений в Международный Суд ООН. Например, в связи с катастрофой рейса МН-17 Австралия и Нидерланды начали процедуры в отношении России в рамках Совета ИКАО (на основании Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г.), решение которого также может быть обжаловано в Международный Суд ООН [10. С. 36].

Из трех оснований для юрисдикции, перечисленных в ст. 36 Статута Международного Суда ООН [1. С. 12; 16. С. 707], в подавляющем большинстве случаев (14 дел) используются юрисдикционные клаузулы многосторонних договоров, поскольку многочисленность государств-участников и универсальный характер делают их неким «общим знаменателем» между потенциальными сторонами спора.

Исследование

Целью настоящей работы является анализ некоторых проблем, вызванных данной тенденцией, а также возможных путей их минимизации.

Во-первых, за счет общих формулировок юрисдикционных клаузул [15. С. 42] государства-заявители порой пытаются «подвести» под них ситуации, напрямую не связанные с предметом регулирования соответствующих международных договоров, что несет в себе риски искусственного ограничения предмета спора [18. С. 700]. Иллюстративными являются дела, основанные на Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (МКЛРД) по заявлениям Грузии против России (2008 г.), Украины против России (2017 г.), Катара против ОАЭ (2018 г.), Армении против Азербайджана и Азербайджана против Армении (2021 г.). В первом из них ряд судей отметил: «Любопытно, что Грузия, ссылающаяся на акты расовой дискриминации, якобы совершенные Россией с начала 1990-х годов в нарушение МКЛРД, ждала вооруженного конфликта […], чтобы немедленно обратиться в Суд»[3]. Аналогичные аргументы о том, что реальный предмет спора не подпадает под предмет регулирования МКЛРД и Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., выдвигались Россией в отношении заявления Украины 2017 г.[4]

Схожая ситуация обстоит с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., которая предоставляет немедленный и прямой доступ к Суду, а не «вторичный» (т.е. после исчерпания сторонами иных способов мирного разрешения спора). Например, на Конвенцию наряду с МКЛРД и другими международными договорами ссылалась Демократическая Республика Конго, пытаясь передать в Международный Суд вопрос вторжения войск Руанды, что, однако, не увенчалось

[1] *Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran),* Joint Application instituting proceedings, 4 July 2023.

[2] *Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic),* Joint application instituting proceedings, 8 June 2023.

[3] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation),* Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, Joint Dissenting Opinion of Vice-President Al-Khasawneh and Judges Ranjeva, Shi, Koroma, Tomka, Bennouna and Skotnikov, P. 402.

[4] A*pplication of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation),* Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 34.

успехом[5] (по причине оговорок Руанды к юрисдикционным клаузулам упомянутых конвенций). В 2022 г. Украина также обратилась в Суд на основании Конвенции, хотя в действительности содержащиеся в заявлении претензии касаются применения силы, *jus in bello,* права на самооборону, признания государств, права на самоопределение[6] – т.е. вопросов, на которые не распространяется согласие сторон спора на юрисдикцию Суда. При этом во избежание сложного доказывания нарушения ответчиком материальных положений Конвенции (как в других рассмотренных Судом делах о предполагаемом геноциде) для обоснования юрисдикции Украина использовала неоднозначную юридическую конструкцию: нарушение Россией Конвенции путем «необоснованных обвинений» в геноциде для «оправдания» начала специальной военной операции[7] [2. С. 27].

В своей практике Суд никогда не отказывал в установлении юрисдикции на основании того, что предмет спора выходил за рамки предмета регулирования конвенции, содержащей юрисдикционную клаузулу[8]. Однако поскольку его юрисдикция в таких случаях «связана» с материально-правовыми положениями соответствующего договора (юрисдикция *ratione materiae*), в ряде дел возникал вопрос применимого права, а именно возможности использования в качестве источника международного обычая. Суд придерживался в целом взвешенного подхода, учитывая при толковании соответствующих соглашений нормы обычного международного права (например, по вопросам средств правовой защиты[9] и вменения[10]), но констатируя именно нарушения соответствующего договора, а не норм обычая. Однако встречались и ситуации, когда решение Суда затрагивало достаточно широкий круг аспектов, не предусмотренных напрямую в содержащих юрисдикционные клаузулы международных договорах[11] [8. С. 482], что может создавать риски их расширительного толкования.

Во-вторых, все очевидней становится проблема политизации деятельности Суда. Поскольку признанию им своей юрисдикции рассматривать дело придается большое политическое значение, высок риск оказания на него давления. Так, в ноябре 2022 г. на площадке Генеральной Ассамблеи ООН в ходе дискуссий по пункту повестки дня «Доклад Международного Суда» от ряда делегаций звучали прямые призывы к государствам-участникам ООН вступить в дело «*Украина против России*» (2022 г.). В итоге рекордным в истории Суда числом государств (33) были направлены ходатайства на основании ст. 63 Статута, в которых для обоснования юрисдикции Суда было представлено «расширительное» толкование Конвенции 1948 г. Налицо непоследовательность упомянутых государств НАТО, отстаивавших диаметрально противоположные взгляды по вопросу толкования упомянутой Конвенции в 2004 г., когда Югославия подала заявление в связи с проведенными ими в 1999 г. бомбардировками (Суд не признал наличие своей юрисдикции, что подверглось критике рядом ученых-международников). Однако Суд не придал значения данному несоответствию, не усмотрев злоупотребления правом и удовлетворив 32 ходатайства[12] (кроме США).

Подтверждением де-факто влияния политического контекста на Суд в отдельных делах, разумеется, могут служить лишь косвенные индикаторы. Например, в решении

---

[5] *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda),* Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006, P. 39-46.

[6] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation),* Preliminary objections of the Russian Federation, 3 October 2022, P. 6.

[7] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation),* Application instituting proceedings, 26 February 2022.

[8] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation),* Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 21.

[9] *La Grand (Germany v. United States of America),* Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 508-514.

[10] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America),* Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, P. 53-69; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro),* Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 199.

[11] Например, в «деле о нефтяных платформах», основанном на Договоре между США и Ираном о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, Суд рассмотрел общие вопросы применения силы.

[12] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening),* Order of 5 June 2023.

о временных мерах по жалобе Грузии, принятом в разгар международной реакции на события августа 2008 г., Суд установил *prima facie* юрисдикцию[13], поскольку «общепринятое значение» статьи 22 МКЛРД не предполагает обязательного проведения переговоров перед обращением в Суд. Спустя 2,5 года, Суд пришел к противоположному выводу, основываясь на общем правиле толкования международных договоров и принципе эффективности[14]. Хотя признание *prima facie* юрисдикции на стадии временных мер и не предрешает вопроса о юрисдикции Суда при дальнейшем рассмотрении дела[15], столь существенные разночтения в «общепринятом значении» текста договора вызывают озабоченность. Неосторожный подход к вопросам юрисдикции проявился и в деле «Украина против России» (2022 г.), в котором Суд назначил весьма обширные временные меры. О возможной политической подоплеке данного решения свидетельствует заявление марокканского судьи М. Беннуны, признавшего отсутствие в действительности оснований для юрисдикции и сославшегося на «личные мотивы» поддержки большинства по вопросу назначения временных мер[16]. Об отсутствии юрисдикции заявили также судьи от России и Китая.

Данные примеры служат индикатором неоднозначных дискуссий в Суде между сторонниками и противниками судейского активизма. Так, некоторые судьи настаивали на более «мягком» в плане критериев для установления согласия на юрисдикцию Международного Суда толковании договоров в сфере защиты и поощрения прав человека ввиду их особого объекта и целей, даже если это подразумевало бы применение эволютивного толкования, не учитывающего намерения государств при заключении соответствующего международного договора[17] [17. С. 362]. Данные подходы, однако, не были поддержаны Судом, который при толковании юрисдикционных клаузул применял общее правило толкования, закрепленное в Венской конвенции о праве международных договоров, не делая каких-либо исключений для договоров в области защиты и поощрения прав человека. От соблюдения Судом баланса при рассмотрении переданных ему в последнее время политически чувствительных дел, а также признания им ключевой роли принципа согласия государств, будет зависеть и авторитет данного судебного органа ООН.

В-третьих, результатом участившегося использования государствами юрисдикционных клаузул международных договоров (особенно в сфере прав человека) стала передача в Суд дел, требующих исследования множества фактов: как технических параметров[18], так и обилия индивидуальных случаев предполагаемых нарушений[19]. При этом налицо «отдаленность» (географическая, временная, культурно-историческая и мировоззренческая) судей от рассматриваемых ими событий [11. С. 263]. Как показал опыт слушаний по существу дела «Украина против России» (2017 г.), многие из них пребывают в «информационном вакууме» с учетом замалчивания в зарубежных источниках некоторых сведений. Заслушивания показаний свидетелей и экспертов согласно статье 43 Статута в ходе устного судопроизводства [4. С. 1] может быть недостаточно для объективного установления обстоятельств спора и его предпосылок. Располагает ли Суд доста-

[13] *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation),* Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, P. 353, 388.

[14] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation),* Preliminary Objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, P. 125 – 126.

[15] *Anglo-Iranian Oil Co. (United Kingdom v. Iran),* Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1952, P. 102 – 103.

[16] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation),* Request for the Indication of Provisional Measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182, Declaration of Judge Bennouna.

[17] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation),* Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, *Dissenting opinion of Judge Cançado Trindade,* P. 239, 300, 305, 307.

[18] Например, соответствие промышленного объекта определенным экологическим стандартам, оценка его воздействия на окружающую среду, см. P*ulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay),* Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14.

[19] Предположительно свидетельствующих, например, об осуществлении геноцида, дискриминации, нарушений норм международного гуманитарного права и т.д.

точной «инфраструктурой» для всеобъемлющего процесса установления фактов «на месте»? Скорее нет [19. С. 752].

Судьи могут осуществлять «выезд на место» самостоятельно согласно статье 44 Статута и статье 66 Регламента[20], однако это случилось лишь единожды: в *деле, касающемся проекта «Габчиково-Надьмарош»*[21] [5. С. 11; 7. С. 17]. В 1995 г. стороны спора согласовали модальности визита, подписав ряд протоколов, а в ходе визита каждой из них предоставлялись равные возможности по организации встреч судей с техническими экспертами и посещений объектов[22]. В решении Суд указал, что «принял к сведению» полученные им «технические пояснения»[23] [13. С. 221]. Данный пример демонстрирует, что организация «выезда на место» судей требует значительных ресурсов (прежде всего финансовых) и сотрудничества сторон спора, что редко встречается на практике. При этом Суд никогда не назначал визит *proprio motu*, то есть в отсутствие согласия обеих сторон спора, хотя формально данного требования не закреплено. Так, в ряде споров (*дело о Юго-Западной Африке*[24], *дело о делимитации морской границы в районе залива Мэн*[25], *дело о сухопутных и морских границах и границах между островами*[26]) ходатайства одной из сторон об организации визитов или экспертиз не поддерживались Судом ввиду отсутствия согласия второй стороны.

Согласно статье 50 Статута Суд может поручить комиссии экспертов осуществить визиты непосредственно в места и объекты, относящиеся к предмету спора, что, однако, также редко используется на практике[27] [12. С. 435]. Так, в *деле о проливе Корфу*[28] Суд назначил Комитет экспертов для подготовки доклада по ряду существенных для дела фактов и поручил ему осуществить визит для сбора доказательств и устранения противоречий в отношении фактов [3. С. 87; 13. С. 226]. Из недавно рассмотренных дел Суд назначил экспертов в споре *«Конго против Уганды»,* поручив им подготовить заключения в отношении трех видов ущерба: гибель людей, утрата природных ресурсов и материальный ущерб[29]. Однако при таком «делегировании» на преподносимую Суду информацию неизбежно влияют взгляды и убеждения соответствующих экспертов, а также стоит проблема подбора экспертов, которые обладали бы требуемыми знаниями и признанным авторитетом в соответствующей области [11. С. 255].

В своей практике Суд не раз сталкивался с трудностями в расследовании обвинений различных сторон относительно конкретных фактов. В деле *«Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории»* Суд опирался на выводы Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ)[30], хотя и признал неубедительными некоторые подходы Трибунала к анализу доказательств [14. С. 3]. Это закономерно стало объектом справедливой критики [7. С. 114; 9. С. 106; 19. С. 752]. В деле *«Гамбия против Мьянмы»* государство-заявитель[31] активно ссылается на

[20] International Court of Justice, Rules of the Court (adopted 14 April 1978), printed in Acts and Documents No. 6. – The Hague: *ICJ,* 2007.

[21] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia),* Judgment, I.C.J. Reports 1997, P. 7.

[22] *Gabčikovo-Nagymaros (Hungary/Slovakia),* Order of 5 February 1997, I.C.J. Reports 1997, P.10.

[23] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia),* Judgment, I.C.J. Reports 1997, P.14.

[24] *South West Africa,* Order of 29 November 1965, I.C.J. Reports 1965, P. 9.

[25] *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area case,* ICJ Pleadings 1984, Vol. VII, Correspondence, P. 329, 330, 331, 332, 341, 354. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/67/9607.pdf

[26] *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening),* Judgment of 11 September 1992, I.C.J. Reports 1992, P. 361.

[27] *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland),* Claim for Indemnity, Merits, 1928 PCIJ Series A, № 17 (Sept. 13), P. 99; *Corfu Channel (United Kingdom v Albania),* Order of 17 December 1948, I.C.J. Reports 1947–1948, P. 124; *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America),* Appointment of Expert, Order of 30 March 1984, I.C.J. Reports 1984, P. 165; *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali),* Nomination of Experts, Order of 9 April 1987, I.C.J. Reports 1987, P. 7 (согласно ст. 48 Статута).

[28] *Corfu Channel case (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania),* Judgment of April 9th 1949, I.C.J. Reports 1949, P. 4.

[29] *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda),* Reparations, Judgment of 9 February 2022, General List No. 116, P. 14.

[30] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro),* Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 134.

[31] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar),* Application instituting proceedings and Request for the indication of provisional measures, 11 November 2019.

публикации Спецдокладчика Совета ООН по правам человека по ситуации с правами человека в Мьянме Я. Ли, Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида А. Диенг, неправительственных организаций и Миссии по установлению фактов в Мьянме. Поскольку в июле 2022 г. Суд признал наличие юрисдикции по данному делу[32], перед ним вновь встанет проблема сбора и анализа доказательств. Так как на стадии обеспечительных мер Суд не раз опирался на выводы Миссии по установлению фактов в Мьянме[33], вероятно, что и при рассмотрении вопросов существа он вновь прибегнет к результатам сбора и анализа доказательств третьими лицами. Упомянутая проблема актуальна и в контексте дела «*Украина против России*» (2017 г.), в котором стороны уже представили тысячи страниц документальных доказательств. Остро встанет данный вопрос и в случае установления Судом своей юрисдикции по другим находящимся на его рассмотрении «фактоемким» делам: заявлениям Армении и Азербайджана, Украины против России 2022 г., Канады и Нидерландов против Сирии и др. То, как Суд будет справляться с рассмотрением таких дел в условиях отсутствия у него разработанной практики для организации полноценного процесса установления фактов, может оказать в будущем влияние на признание государствами его юрисдикции. Если эта функция все больше будет «отдаваться на откуп» третьих лиц, доверие государств к данному международному институту может снизиться.

Для того чтобы судьи Международного Суда обладали информацией «из первых рук», а также могли получить собственное представление о ситуации на определенной территории, ее исторических, культурных и иных особенностях, целесообразной видится организация визитов судей (при гарантированной безопасности) в наиболее сложных с фактологической точки зрения делах. Параллельно представляется необходимым расширять практику задействования назначаемых Судом экспертов. Можно согласиться с судьей А. Юсуфом, который в заявлении к решению Суда по *делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай* указал, что «Суду было бы полезно в будущем более эффективно использовать полномочия, предоставленные ему его Статутом, для рассмотрения фактоемких и сложных научных дел и разработки для этого четкой стратегии, которая позволила бы ему оценивать необходимость заключения эксперта на ранней стадии рассмотрения дела»[34]. Хотя научная дискуссия о расширении участия экспертов посвящена преимущественно наукоемким делам, данный вопрос актуален и для споров в сфере прав человека. В науке озвучивается и предложение о создании отдельной камеры Суда по установлению фактов, которая бы осуществляла поиск и предварительный анализ имеющихся доказательств [14. С. 4].

Результаты исследования

Изложенные доводы приводят к выводу о том, что в последние годы участилась практика использования государствами юрисдикционных клаузул для передачи в Международный Суд ООН всеобъемлющих и многоаспектных споров, зачастую имеющих лишь косвенное отношение к задействуемому международному договору. Заметен рост числа споров, касающихся обвинений в нарушении международных договоров в сфере прав человека, которые по своей природе сопряжены с необходимостью оценки значительного количества фактов. Следовательно, Суду все чаще придется сталкиваться с необходимостью сбора доказательств, в том числе in situ, а также изучением большого их количества из разных источников и оценкой их доказательственной силы. Редкое обращение к механизму визитов на место (самими судьями или назначенными ими экспертами) приводит к использованию Судом информации из третьих источников без возможности контроля в отношении подбора лиц, осуществляющих сбор и анализ доказательств, и в отношении используемой ими методологии. Если пассивность Суда в данном вопросе сохранится, то в его практике возникнут сложности, связанные с оценкой доказательств, представляемых сторонами и третьими лицами и организациями.

[32] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar),* Preliminary objections, Judgment of 22 July 2022, General List No. 178.

[33] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar),* Order of 23 January 2020, Request for the indication of provisional measures, P. 17, 18, 21.

[34] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay),* Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14, Declaration of Judge Yusuf, Para. 14.

Данных проблем в ряде случаев можно избежать в том числе путем обеспечения сбалансированного подхода Суда к вопросам установления своей юрисдикции с учетом важности принципа согласия государств. Это особенно востребовано в свете практики злоупотребления юрисдикционными клаузулами для передачи в Суд споров политического характера, лишь отдаленно связанных с задействованным для этой цели договором [6. С. 496], а также вызванного данной тенденцией искусственного ограничения предмета спора, что нередко ставит перед Судом сложные вопросы применимого права.

Отмечается неоднородность точек зрения на данную проблему среди членов Суда, представляющих «главнейшие формы цивилизации и основные правовые системы мира». Озвучивались предложения о необходимости особого эволютивного толкования положений международных договоров в сфере прав человека (включая их юрисдикционные клаузулы) в целях снижения «порога» для установления наличия согласия государства на юрисдикцию Суда. Несмотря на то, что до настоящего времени столь радикальная позиция напрямую Судом не поддерживалась, автором отмечаются некоторые изменения в его подходах, вызывающие обеспокоенность.

Заключение

Таким образом, к настоящему моменту на рассмотрении Международного Суда ООН находится множество сложных дел, в том числе касающихся ситуаций, занимающих значительную долю международной повестки дня. Вместе с тем, поскольку юрисдикция Суда неразрывно связана с принципом согласия, государство не может быть принуждено к ее признанию вне рамок тех условий, которыми ограничено согласие данного государства. То, каким образом Суд будет определять эти рамки в современных условиях беспрецедентного политического давления, подчас ставящего выбор между справедливостью и политическим контекстом, будет иметь большое значение для сохранения авторитета главного судебного органа ООН.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4.
2. Зинченко О.И. Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169).
3. Крылов С.Б. Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). М., 1958.
4. Шинкарецкая Г.Г. Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации. 2021. № 1.
5. Шинкарецкая Г.Г. Доказательства в процессе Международного Суда: концептуальные аспекты // Международное право и международные организации. 2022. № 1.
6. Cannizzaro E., Bonafé B. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. 2005. № 16.
7. Devaney J. Fact-Finding before the International Court of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
8. Giegerich T. A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference. Berlin: Duncker & Humblot, 2009.
9. Goldstone R., Hamilton R. Bosnia v. Serbia: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Leiden Journal of International Law. Vol. 21. Iss. 1. 2008.
10. Ivanov D.V., Donakanian V.G. The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues // Moscow Journal of International Law. 2022. № 3.
11. Keene A. (Ed.). Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect // Journal of International Dispute Settlement. 2016. № 7.
12. Malintoppi L. Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes) // Journal of International Dispute Settlement. 2016. № 7.
13. Rosenne S. Essays on International Law and Practice. Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007.
14. SáCouto S. Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro // Human Rights Brief. 2007. Vol. 15. № 1.
15. Thirlway H. The International Court of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2016.

16. Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. Oxford: Oxford University Press, 2013.
17. Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I. Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. № 9(2). 2022.
18. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Cases relating to the law of the sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 14(3). 2023.
19. Zimmermann A. et al. (eds.). The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2019.

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE TODAY: CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS

Introduction. *The study strives to analyze the current situation in the International Court of Justice, a number of the challenges facing it, as well as their possible solutions. Of the 18 disputes currently in the Court's docket 14 were submitted on the basis of jurisdictional clauses of treaties, including in the field of the protection and promotion of human rights. Using the example of a number of cases, including those involving the Russian Federation, the author analyzes some of the problems resulting from this trend.*

Materials and methods. *The methodological basis of the study includes the following general scientific and special methods of cognition: formal-logical, formal-legal, historical-legal, comparative-legal, analysis and synthesis.*

Results of the study. *Firstly, the artificial limitation of the subject matter of the dispute in some instances is noted, which leads to questions of applicable law and causes risks of broad (or "evolutionary") interpretation of treaties. Secondly, the problem of politicization of the Court's activities by some of the Parties to the process is identified, forcing the Court to choose between justice and the political context in some of the "high-profile" cases. Thirdly, the Court's inability to consider numerous "fact-intensive" cases brought by way of jurisdictional clauses of treaties (especially in the field of protection and promotion of human rights) is noted.*

Discussion and conclusions. *The author sees possible solutions in ensuring the Court's balanced approach to issues of establishing jurisdiction with due regard to the principle of States' consent, as well as in adjusting its fact-finding methods. While in its practice the Court has not directly supported the proposals voiced by some of its members favoring evolutionary interpretation of the provisions of human rights treaties in order to lower the "threshold" for establishing the existence of a State's consent to its jurisdiction, the author notes some recent changes in the Court's approaches that cause concern. The author predicts a number of negative political and legal consequences of excessive judicial activism, including the risk of broad interpretation of the provisions of the relevant conventions and their abuse, as well as a decrease in the confidence of States in the dispute resolution system within the principal judicial organ of the United Nations. Maintaining the Court's cautious approach to issues of establishing States' consent to its jurisdiction will be of great importance to upholding its authority.*

Olga I. Zinchenko,
Master of Law, Postgraduate Researcher
with the International Law Department,
MGIMO-University under the MFA
of Russia

Ключевые слова:
юрисдикция, компетенция, Международный Суд ООН, межгосударственные споры, юрисдикционные клаузулы, международные судебные инстанции, доказательства, предварительные возражения

Keywords:
jurisdiction, competence, International Court of Justice, interstate disputes, jurisdictional clauses, international tribunals, evidence, preliminary objections

References:

1. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I., 2018. YUrisdikciya Mezhdunarodnogo Suda OON: nekotorye teoreticheskie voprosy [Jurisdiction of the International Court of Justice of the United Nations: some theoretical issues]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* № 4.
2. Zinchenko O.I., 2022. Spory, kasajushhiesja vooruzhennyh konfliktov: podhody Mezhdunarodnogo Suda OON k voprosam jurisdikcii [Disputes concerning armed conflicts: approaches of the International Court of Justice to issues of jurisdiction]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal].* № 6 (169).
3. Krylov S.B., 1958. Mezhdunarodnyj Sud Organizacii Ob"edinennyh nacij: Voprosy mezhdunarodnogo prava i processa v ego praktike za desjat' let (1947-1957) [The International Court of Justice of the United Nations: Issues of International Law and Process in its Practice over ten years (1947-1957)]. Moscow.
4. Shinkaretskaya G.G., 2021. Praktika mezhdunarodnyh sudov v oblasti sbora dokazatel'stv [The practice of international courts in the field of evidence collection]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii [International Law and International Organizations]*. № 1.
5. Shinkaretskaya G.G., 2022. Dokazatel'stva v processe Mezhdunarodnogo Suda: konceptual'nye aspekty [Evidence in the process of the International Court of Justice: conceptual aspects]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii [International Law and International Organizations].* № 1.
6. Cannizzaro E., Bonafé B., 2005. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case. *European Journal of International Law.* № 16.
7. Devaney J., 2016. Fact-Finding before the International Court of Justice. Cambridge.
8. Giegerich T., 2009. A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference. Berlin.
9. Goldstone R., Hamilton R., 2008. Bosnia v. Serbia: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. *Leiden Journal of International Law.* Vol. 21. № 1.
10. Ivanov D.V., Donakanian V.G., 2022. The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* № 3.
11. Keene A. (Ed.), 2016. Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect. *Journal of International Dispute Settlement.* № 7.
12. Malintoppi L., 2016. Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes). *Journal of International Dispute Settlement.* № 7.
13. Rosenne S., 2007. Essays on International Law and Practice. Leiden.
14. SáCouto S., 2007. Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro. *Human Rights Brief.* Vol. 15. № 1.
15. Thirlway H., 2016. The International Court of Justice. Oxford.
16. Thirlway H., 2013. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. Oxford.
17. Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I., 2022. Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice. *Kutafin Law Review.* Vol. 9. № 2.
18. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I., 2023. Cases relating to the law of the sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo.* Vol. 14. № 3.
19. Zimmermann A. et al. (eds.), 2019. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford.